КОНФЕРЕНЦИЯ
«СТЫКИ МОДЕРНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В ПОИСКЕ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ»

УДК 174:316.422.44 + 174:378

О. В. Лысенко

ОБ УСПЕШНЫХ «ГУМАНИТАРИЯХ» И НЕУСПЕШНЫХ «ТЕХНАРЯХ»
По материалам эмпирических исследований

В статье анализируются представления об успехе, существующие в современном российском городе. Автор исходит из конструктивистской парадигмы, определяя успех как набор образов, создаваемый и поддерживаемый в обществе. Статья основана на данных социологического опроса, проведенного в Перми в 2012 г. Данный опрос показал, что жители современного российского города чаще ориентируются на такие образы успеха, как «профессионал» и «хороший, добрый человек». Горожане, получившие гуманитарное образование, чаще считают себя успешными, нежели горожане с техническим и естественно-научным образованием, что связано с различиями в мотивации получения образования, с бóльшим соответствием гуманитарного образования современным требованиям и более универсальным характером гуманитарного образования.

Ключевые слова: успех, современный город, гуманитарное образование, техническое образование, Пермь.

Постановка проблемы

В современном обществе успех является одной из ключевых установок социального поведения. Требование быть успешным звучит с экранов телевизоров, визуализируется в глянцевых журналах, становится предметом тренингов и коучинга. Будучи частью современной глобализированной культуры, феномен успеха неоднократно попадал под пристальный взгляд социальных мыслителей, преимущественно в качестве медийного образа, транслируемой ценности, составной части господствующих идеологий и дискурсов, предмета. Но между декларацией и реальным воплощением всегда существует зазор. Каково реальное содержание успеха в современном массовом сознании, какое количество людей готовы признать себя успешными, чем это обусловлено? Подобные вопросы не часто встречаются в социологической литературе. Между тем именно содержание успеха (точнее — образы успеха) выступает в качестве основы жизненных

© Лысенко О. В., 2015

стратегий индивидов и социальных групп, определяет повседневные практики людей.

Казалось бы, тема успеха возникает во многих теоретических и эмпирических работах. Социология постоянно и плодотворно занимается вопросами мотивации, профессиональной ориентации и самореализации человека. Но в большинстве исследований этот концепт используется по умолчанию, как некий фундаментальный принцип, почти не требующий самостоятельной проработки, а тем паче — эмпирического измерения. Усилия авторов чаще сосредоточены на выявлении условий его достижения (А. Ю. Согомонов [16]), исследовании его атрибутов (Т. Веблен [6]), механизмов поведения, приводящих индивида к достижению успеха (Дж. Хоманс [22], П. Бурдье [5]). При этом успех и успешность нередко определяются скорее психологически, как субъективно значимое, затратное (т. е. не дающееся само по себе, без осмысленных усилий) достижение. Тем самым успех переносится на уровень моральных категорий, без учета социального контекста формирования самого содержания успеха. «Под личностным успехом понимается представление индивида об успешности реализации своей жизненной стратегии... Автор... определяет успех как положительно оцененное достижение, значимо превысившее социетальные либо личностные нормативы, итог целенаправленной и эффективно организованной человеческой деятельности» [9, *16*].

Другой подход подразумевает наличие неких «объективных» достижений, признаваемых обществом как примеры успеха. Карьера, профессиональные достижения, слава и прочие достигаемые признаки оценки человека мыслятся как заданные объективным ходом истории, стремление к ним признается как правильное, а отказ от них либо губителен, либо глуп. Когда руководители нашего государства говорят о том, что детей надо учить «на примере успешных людей», они уподобляются многочисленным авторам, пропагандирующим успех в рамках так называемой терапевтической культуры [20]. Тем самым категория успеха становится краеугольным камнем идеологий и утопий: неолиберальных (если мерить успех деньгами и должностью), государственных (если мерить успех государственными наградами и упоминанием в учебниках истории), профессиональных (например, индексы цитирования в науке). Интеллектуалы левого толка сказали бы, что такие навязанные стратегии успеха есть инструменты манипуляции массами (Г. Маркузе [10], М. Яцино [20], Хобсбаум [17]). Сторонники функционализма скажут, что успех есть личностная интерпретация значимых социальных функций (Р. Мертон [12]). Но в любом случае эталоны успеха заданы жестко и однозначно, в соответствии с господствующей идеологией.

Наконец, третий подход подразумевает отказ от рассмотрения успеха как объективной нормы в пользу интерпретации его как социального конструкта. Очевидно, что разные люди будут считать успехом разные достижения. Разница оценок, согласно концепции П. Бурдье, определяется разницей габитусов участников социального процесса, т. е. разницей в «системах диспозиций, порождающих и структурирующих практику агента и его представления» [19, *9*]. Но эта разница не является кардинальной, диспозиции являются, с одной стороны, производной от социальных позиций агентов, с другой — испытывают на себе влияние других групп агентов. Так, габитус среднего класса формируется в том числе и влиянием

элиты, что убедительно декларируется со времен Х. Ортега-и-Гассета. Далее, габитус испытывает на себе влияние институтов или социальных полей. Как и все категории, которыми пользуются люди в повседневной жизни, успех — понятие интерсубъективное, т. е. одновременно и продукт консенсуса между людьми (конструкт), и ценность, имеющая принудительный характер. В этом случае акцент в изучении успеха смещается в сторону изучения механизмов их конструирования и локализации образов успеха в социальном пространстве. Именно такой подход лег в основу данной статьи, которая опирается на результаты комплексного исследования, проведенного автором в составе научного коллектива из Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета[1].

Деконструкция успеха: образы успеха в пермском городском сообществе

В ходе опроса респондентам был задан вопрос: «Считаете ли вы себя успешным человеком?». Как выясняется, более половины всех опрошенных отвечают на него утвердительно, причем 30,7 % из них говорят об этом уверенно и 20,8 % — с оговоркой (вариант ответа: «Скорее да, чем нет»).

Учитывая, что опрос проводился в городе, который едва входит в двадцатку городов России по качеству жизни [14], лидирует по уровню преступности [15] и целому ряду заболеваний [7], кажется странным, что половина его жителей считают: жизнь удалась. Чем можно объяснить данный парадокс? Прежде всего самим содержанием понятия «успех». В рамках другого опроса (табл. 1), проведенного по аналогичной выборке[2], был задан вопрос, позволяющий пролить свет на содержание успеха в глазах представителей разных пермских социальных групп. Специально для этого была разработана шкала, отражающая наполнение понимания успеха в разных сферах жизни — экономической, карьерной, политической, профессиональной, семейной, научно-образовательной, моральной и др. Из этой шкалы сознательно были исключены такие «базовые» показатели, как здоровье, жизнь, безопасность, поскольку в понятие успеха они вряд ли входят, хотя и являются необходимым условием реализации[3]. Все позиции успеха можно разделить на три категории:

— агональные или иерархические — позиции, получаемые только в результате борьбы, соревнования с другими агентами, игры с нулевой суммой. Такие позиции может занять ограниченное количество людей и только в результате конкуренции. Агональные позиции не пользуются особой популярностью. Ни одна из них не набрала более 1/5 голосов;

— конформные — позиции, получаемые личным усердием и трудом, но без жесткой конкуренции с другими агентами (игра без нулевой суммы). Занимают

---

[1] Количественный опрос был проведен в декабре 2012 г. по случайной квотной репрезентативной выборке среди жителей Перми старше 18 лет. Всего было опрошено 797 человек, доверительный интервал выборки не превышает 3,5 %. [1]

[2] Речь идет о проекте «Пермь как стиль» [13].

[3] Данная шкала разрабатывалась совместно с сотрудниками кафедры экономики С. М. Селезневой и А. Г. Кузнецовым, за что им отдельная благодарность (см. [Там же]).

промежуточное положение между «рыночными» и традиционными ценностями. Они могут быть достигнуты неограниченным количеством людей. Наиболее популярна позиция «профессионал, мастер своего дела», ее выбрала почти половина опрошенных;

— коммунальные — позиции, в большей степени ориентированные на поддержание социального равновесия, одобрение со стороны социального окружения. Их достижение не подразумевает включения в конкурентную борьбу, скорее напротив — требует сосредоточенности исключительно на моральном самосовершенствовании. Образ «хорошего, доброго человека» занял второе место (31,2 %).

Таблица 1

Образы успешности

Успешный человек — это...	Количество ответов, %	Тип позиции
Профессионал, мастер своего дела	45,4	Конформный
Хороший, добрый человек	31,2	Коммунальный
Человек, имеющий хороших детей	20,2	Коммунальный
Известный, популярный в крае человек	22,5	Конформный
Спортсмен, чемпион края, России, Европы, мира	21,9	Агональный
Богатый человек	20,5	Конформный
Бизнесмен, предприниматель	19,5	Агональный
Руководитель предприятия, организации	13,6	Агональный
Доктор наук, профессор	12,1	Конформный
Депутат	11,4	Агональный
Чиновник, служащий государственного аппарата	10,3	Агональный

Это, во-первых, сводит на нет миф о преобладании в нашем обществе ценности денег, экономизма, прозападных ценностей. Во-вторых, наводит на мысль о том, что разные образы успеха могут уживаться в представлениях одного индивида, одной группы. Это не может не порождать внутригрупповые или внутриличностные конфликты, особенно когда разные образы успеха принадлежат разным типам — агональному, личностному, конформному.

Главный конфликт внутри переживания успеха современного горожанина разворачивается, как нам кажется, между агональностью (соревновательностью) и этическим идеалом «хороший человек». Он снимается в «профессионализме», который вполне вписывается в современную городскую культуру с ее доминантами ценности труда и самореализации. Но сама по себе заявка на профессионализм не влечет жесткого соревнования. Тем самым профессионализм как декларируемая ценность позволяет человеку примерить к себе стремление к личным достижениям и оглядку на социум, на ближайшее окружение, с подозрением относящееся к попыткам явного индивидуалистического самовозвышения.

Для более глубокого анализа мы провели подсчет сочетаний трех типов образа успеха — конформного, агонального и коммунального — в ответах каждого

респондента. После подсчета мы получили семь типов успеха — три чистых (когда респонденты выбирали только один тип образа) и четыре смешанных.

Численно преобладают три типа успеха — конформный (21,9 %), конформно-агональный (27,1 %) и конформно-коммунальный (16,5 %). Как было сказано выше, конформизм выступает той платформой, на которой достигается компромисс между соревнованием, с одной стороны, и справедливостью, с другой. Только агональные образы успеха были выбраны лишь 11,3 % опрошенных. Коммунальные образы в чистом виде наименее распространены в обществе (7,6 %), что говорит о его атомизированности.

Любопытно, что на выбор того или иного образа успеха слабо влияют такие социальные параметры, как гендерная принадлежность, возраст, доход, принадлежность к социальному слою (он был замерен по самоощущению, через прямой вопрос «К какому социальному слою относится ваша семья?»), образование, род деятельности. За некоторыми исключениями частота выбора тех или иных образов успеха примерно одинакова во всех социальных когортах.

На первом месте находится образ профессионала, на втором — «хороший, добрый человек» (или иногда «человек, имеющий хороших детей»). Лишь третьи места различаются: у представителей разных социальных когорт на третьем по частоте выбора месте можно встретить такие образы, как «руководитель» (респонденты с высоким уровнем достатка и относящие себя к высшему слою), «известность» (респонденты со средним уровнем достатка, с высшим образованием и отнесшие себя к среднему слою), «богатство» (респонденты с низким доходом, отнесшие себя к слою «ниже среднего», со средним образованием), «бизнесмен» (молодежь).

Отклонение в выборе образов успеха продемонстрировали государственные служащие, включая чиновников и работников правоохранительных органов. Представители этой когорты на первое место поставили богатство, на второе — хорошего человека и только на третье — профессионализм (всего 28 %). Очевидно, тип чиновничьего успеха можно назвать агонально-коммунальным, хотя и несколько неожиданным: госслужба, карьера и политика их интересуют не чаще остальных. Зато большую, чем у остальных групп, роль играют деньги.

Агонально-конформный тип успеха складывается чаще среди работников торговли (образы богатства, бизнеса — на втором месте после профессионализма). Этот же тип характерен для офисных работников (на второе место выходят позиции бизнесмена и руководителя), безработных, домохозяек, студентов и людей со случайными заработками, — на вторые позиции у всех них вышли агональные позиции.

Полученные данные позволяют утверждать, что большая часть населения современного российского города имеет примерно одинаковые представления об успехе. Факт преимущественного выбора конформных и коммунальных образов успеха на фоне пренебрежения образами, связанными с конкуренцией, причем в самых благополучных социальных когортах, свидетельствует о том, что в российском городе так и не сформировался тип поведения, который западными теоретиками связывается с «постиндустриальным» обществом. Работа так и не стала для нас спортом или проектом (З. Бауман [3]), успех не ассоциируется с гибкой занятостью, постоянным переобучением, перемещением работника как

в пространстве, так и между секторами экономики (М. Кастельс [8, *236–237*]), ставка на профессионализм в нашем понимании не есть готовность жить в «обществе риска» (У. Бек [4]), сочетание конформных и коммунальных образов успеха плохо вписывается в культуру индивидуализма (М. Яцино [20]). Скорее, выявленная конструкция успеха восходит к эпохе «тяжелой модернити», где от человека требовалось быть квалифицированной частью хорошо отлаженного завода-механизма, а конкуренция если и возникала, то только за пределами больших предприятий.

Учитывая, что большинство перечисленных выше исследователей относятся к наступающей эпохе критически, оценить конформно-коммунальные установки современного российского общества можно по-разному. Однако в любом случае они мало соответствуют современным требованиям, а потому, скорее всего, ведут к снижению способности к конкуренции, затруднению мобильности и в конечном счете к потерям в рамках глобализирующегося мира.

Но даже в тех случаях, когда агональные образы успеха выходят на первое место, мы не можем говорить об их адекватности требованиям наступающей эпохи. Напомним — выбор агональных образов свойствен малоквалифицированным либо деквалифицированным категориям населения: домохозяйкам, безработным, офисным работникам. Вряд ли такой выбор говорит об их готовности следовать жестким законам борьбы, скорее это признание проигрыша, заявление, что «успешные — это не мы». Данное признание может, конечно, активизировать попытки некоторых из них достигнуть значимых позиций (богатства, места начальника), но только экстремальными и малоэффективными способами — с помощью игры на бирже, матримониальных союзов, сомнительных проектов. Это, кстати, является хорошим объяснением новой волны популярности МММ и подобных финансовых пирамид. Тот факт, что в данный перечень попадают чиновники и работники правоохранительных органов, не должен смущать. Похоже, их положение в современном российском обществе является столь же маргинальным, учитывая приписываемую им коррупционность.

Успешные люди в российском городе. Социальный портрет

Рассмотрев содержание образов успеха, перейдем к рассмотрению вопроса, где и в каком количестве появляются люди, считающие себя успешными.

Сразу отметим: успех не имеет гендерной подоплеки. Никаких различий в обозначении себя успешными или неуспешными между мужчинами и женщинами нет.

Зато такое различие есть между группами, выделяемыми по возрасту, уровню образования, материальному достатку и роду деятельности. Чем моложе, богаче и образованнее респонденты, тем чаще они чувствуют себя успешными.

Интересно распределение успеха по роду деятельности. Пятерка лидеров успешных групп начинается руководителями предприятий и заканчивается бюджетниками. Она также включает в себя предпринимателей, специалистов и студентов. Самыми неожиданными в ней оказываются бюджетники и студенты. Существует массовое мнение, что бюджетник — существо, по социальному статусу чуть выше бомжей (образно говоря). Выясняется, что среди скромных учителей

и медиков количество успешных преобладает. Очевидно, что такую самооценку дают соответствующие образы успеха, распространенные в этой группе, — профессионализм и коммунализм.

Появление студентов среди лидеров рейтинга успешности можно объяснить иными факторами. Во-первых, ювенальностью культуры, где молодость сама по себе есть ценность, а значит — и успех. Во-вторых, определенной инфантильностью студенчества: отсутствие необходимости для большинства студентов обеспечивать себе существование приводит к повышенной самооценке.

Однако самые интересные данные касаются соотношения успешности и профиля образования (табл. 2, 3). Под последним я понимаю в данном случае сложившееся в обществе устойчивое разделение профессий на «гуманитарные», «технические» и «естественно-научные». Во время опроса профиль образования и работы определялся самими респондентами исходя из данной классификации.

Выясняется, что среди гуманитариев успешными себя называют 64 % респондентов, в то время как среди «технарей» и «естественников» — только 46,8 и 48,5 %.

Таблица 2

Сопряженность самооценки успешности и профиля образования (работы)

Считаете ли вы себя успешным человеком?	В какой сфере вы получили образование, % опрошенных		
	В гуманитарной	В технической	В естественно-научной
Нет	16,6	26,5	19,7
И да и нет	17,3	23,3	28,8
Да	64	46,8	48,5
Затрудняюсь ответить	2,2	3,4	3,0

Таблица 3

Сопряженность самооценки успешности и профиля/уровня образования

Считаете ли вы себя успешным человеком?	Профиль и уровень образования, % опрошенных			
	«Гуманитарии»		«Технари»	
	Высшее образование	Среднее образование	Высшее образование	Среднее образование
Нет	12,3	22	13,4	30,3
И да и нет	5,1	11,7	8,2	16,5
Да	73,5	52	67,3	39,7
Затрудняюсь ответить	9,1	14,3	11,1	13,5

Возникает соблазн объяснить «неуспех» технических специалистов тем, что среди них 58 % составляют люди со средним образованием, в то время как

среди гуманитариев таковых всего 30 %. Однако это объяснение не будет исчерпывающим: среди гуманитариев с дипломом о высшем образовании все равно больше «успешных», нежели среди выпускников технических вузов. Более того, гуманитарии со средним образованием чаще чувствуют себя успешными, нежели «технари» после техникумов и училищ (а ныне — колледжей и лицеев).

Чем объясняется такая зависимость успешности от характера образования? Можно предложить несколько версий.

Версия 1. Различия в мотивации выбора профессии. Дело в том, что советы поступать в технические вузы и техникумы родителями всегда объяснялись утилитарно — необходимостью получить реальную профессию. Поэтому зачастую выпускники школ (особенно юноши) получали от родителей установку на технические специальности. Как пишет А. В. Меренков, «воспроизводится то положение, которое было в течение многих столетий, когда человек вынужден был выбирать работу, исходя из требований родителей, своей принадлежности определенному классу, гендерной общности» [11, *32*].

Гуманитарные специальности, напротив, никогда не рассматривались в нашем обществе как особо прибыльные (за исключением разве что экономики и юриспруденции, но таких специалистов в выборке совсем немного). Поэтому гуманитариями чаще становились по желанию, нежели по принуждению или необходимости. Эта версия подтверждается следующими данными: среди успешных людей доля получивших желаемое образование составляет 63,8 %, а среди неуспешных таковых только 41,4 %. Также среди гуманитариев существенно больше тех, кто расценивает работу как возможность реализовать свои способности (табл. 4).

Таблица 4

Сопряженность мотивации к работе и профиля образования

Какое значение для вас имеет работа?	В какой сфере вы получили образование, % опрошенных			Всего
	В гуманитарной	В технической	В естественно-научной	
Это возможность самореализоваться	32	19	24	23
Это источник средств к существованию	48	63	52	56
Иное (общение, признание, неприятная обязанность и т. п.)	20	18	24	21

Версия 2. «Проектное мышление», свойственное в большей степени гуманитариям. Может быть, как раз из-за изначального отсутствия утилитарности при выборе профессии гуманитарий оказался обладателем и иных, более выгодных в современных условиях установок на отложенный успех и разумный риск. Эти установки полностью согласуются с новым, агональным типом поведения, при котором зачастую необходимо довольствоваться малым ради получения большего вознаграждения (теория отсроченного удовольствия [2, *537*]) и стремиться

к новым достижениям, даже с риском потерять достигнутое (стратегии нацеленности на успех и избегания неудач, описанные Е. Фергюсоном и К. Хорни, как ключевые в мотивации личности [18, 21]). Опрос показал, что гуманитарии действительно чаще, чем «технари» и «естественно-научники», выбирают экономию сейчас ради большего вознаграждения в будущем (32,4 % против 21–23 % соответственно) и стремление к новым целям с риском потерять достигнутое (29,9 % против 19,7 и 12,3 % соответственно).

Версия 3. «Универсальность» гуманитарного образования. Гуманитарий оказывается более приспособленным к меняющейся жизни ввиду большей универсальности своего образования. В конце концов, взаимодействие в организации, управление людьми и ориентация в информационных потоках — суть универсальные коммуникативные навыки, формируемые чаще гуманитарными науками, нежели естественными и техническими. Далее, гуманитарии чаще обладают универсальными навыками работы с текстами. А именно успешность коммуникаций и умение работать с текстами определяют карьеру, готовность к организации своего дела и освоение новых моделей поведения. Поэтому гуманитарии чаще остальных рассчитывают найти более интересную работу, заняться собственным бизнесом, изменить специальность. Наконец, гуманитарная сфера в меньшей степени подверглась сверхспециализации, чем сфера техническая и естественно-научная. Дистанции между гуманитарными специальностями существенно меньше, что позволяет историку или филологу сравнительно легко находить применение своим навыкам в смежных прикладных сферах, например в маркетинге или управлении.

В завершение статьи хотелось бы сделать несколько замечаний прикладного характера, чтобы быть понятым правильно. Полученные данные не стоит трактовать слишком расширенно, как доводы в пользу «сущностной» неполноценности «технарей» по отношению к гуманитариям в духе рассуждений об особой роли «духовности» или «высокой культуры». Успешность гуманитариев представляется следствием не столько совершенства современного российского гуманитарного образования, сколько отсталости технической и естественно-научной сфер в нашей стране. Гуманитарий успешен только на фоне устаревших предприятий, которым все еще требуются не креативные инженеры, а дисциплинированные исполнители на рутинную работу. Далее, успешность гуманитариев обеспечивается не их специфической «духовностью», а наличием общекультурных компетенций, формированием которых по идее должна заниматься общеобразовательная школа, не справляющаяся с этим. Гуманитариям просто повезло: их образование в большей степени способствует исправлению элементарного неумения читать и понимать тексты и формулировать свою мысль, нежели образование техническое. И наконец, приведенные выше данные и выводы хотя и служат аргументом в пользу внедрения гуманитарных дисциплин в технические вузы, но не снимают задачи инструментализации самого гуманитарного знания.

---

1. Барьеры и возможности реализации человеческого потенциала в Пермской городской агломерации / З. Замараева, О. Лысенко, Н. Панкратов, А. Шишигин и др. Пермь, 2013.

2. Большой толковый социологический словарь (Collins). М., 1999.
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
4. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
5. *Бурдье П.* Структуры, габитус, практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 59–122.
6. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1994.
7. Заболеваемость населения России в 2010 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.mednet.ru/ru/statistika/zabolevaemost-naseleniya/zabolevaemost-vsego-naseleniya.html (дата обращения: 10.05.2013).
8. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.
9. *Корниенко О. Ю.* Социальный успех в профессиональной деятельности руководителя в российском обществе: гендерный аспект : автореф. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2011.
10. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 2003.
11. *Меренков А. В.* Особенности и проблемы формирования профессиональных ориентаций учащейся молодежи // Университетское управление: практика и анализ. 2009. № 6. С. 31–37.
12. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль : тексты. М., 1994. С. 379–448.
13. Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О. В. Лысенко, Е. Г. Трегубовой. Пермь, 2013.
14. Рейтинг городов России по качеству жизни (Top-20) — 2010 год [Электронный ресурс]. URL: http://urbanica.spb.ru/?p=710 (дата обращения: 10.05.2013).
15. Рейтинг самых криминальных городов России [Электронный ресурс]. URL: http://news.rin.ru/news/167574/ (дата обращения: 10.05.2013).
16. *Согомонов А. Ю.* Генеалогия успеха и неудач. М., 2005.
17. *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004.
18. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени; Самоанализ. М., 1993.
19. *Шматко Н. А.* Введение в социоанализ Пьера Бурдьё // Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.
20. *Яцино М.* Культура индивидуализма. Харьков, 2012.
21. *Ferguson E. D.* Motivation: An experimenta l approach. N. Y., 1976.
22. *Homans G.* Social Behavior. Its elementary forms. N. Y., 1974.

Рукопись поступила в редакцию 21 сентября 2015 г.